

Унгаризмы в метафольклорных нарративах венгерских градищанцев и градищанскохорватская двуязычная лексикография¹

Целью данной статьи является функциональная стратификация унгаризмов в речи градищанских хорватов, проживающих на территории Венгрии, и соотнесение их с данными градищанскохорватской лексикографии. Материалом послужили фольклорные нарративы венгерских градищанцев из сел Унда (Унд), Присика (Пересне), Хорватский Зидан (Хорватжидань) и Плайгор (Олмод), записанные Д. Ю. Ващенко и А. А. Плотниковой во время этнолингвистического обследования вышеуказанных сел в июне 2017 года.

Отметим, что сам идиом, на котором велись рассказы, различается у разных информантов в плане соотношения элементов градищанскохорватского литературного языка / местного диалекта, однако в рамках статьи мы по возможности стремимся абстрагироваться от индивидуальных особенностей речи. Возраст информантов, речь которых стала предметом анализа, колеблется в среднем от 55 до 80 лет, все они билингвально, окончили венгерскую школу, родной идиом был усвоен ими в семье и до сих пор употребляется главным образом в рамках семейного общения либо в бытовой коммуникации в пределах села. Среднее поколение, по свидетельствам информантов, также билингвально, однако языковая компетенция его представителей в градищанскохорватском идиоме существенно ниже, нежели у старшего поколения, младшее поколение, как правило, владеет градищанскохорватским лишь пассивно, на уровне понимания речи, но не на уровне активного владения языком. Рассматриваемый материал, таким образом, отражает узус старшего поколения градищанских хорватов Венгрии, и, как мы постараемся показать ниже, в метафольклорных нарративах отчетливо прослеживаются ассимилятивные тенденции, что особенно рельефно проявляется при сопоставлении записей с лексикографическими описаниями. На данный момент нам известно два масштабных лексикографических труда — сюда относятся Немецко-градищанскохорватский словарь под общей редакцией Йозефа Хамма, вышедший в 1982 г. и представляющий собой первое крупное лексикографическое описание градищанскохорватского, а также обратный градищанскохорватско-немецкий словарь под редакцией Божидара Финки и Радослава Катичича,

¹ Авторская работа выполнена по гранту РНФ «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

изданный в 1991 г.² Кроме того, небольшие словари размещены в монографических описаниях отдельных градищанских сел, изданных в Австрии.

Оба словаря являются триязычными: в словаре Хамма последовательно приводятся немецкое слово, его градищанское соответствие, и затем литературный хорватский эквивалент, в словаре Финки и Катитича, соответственно, градищанская лексема, хорватский аналог и далее немецкое соответствие. При этом оба словаря основаны на языковом узусе австрийских градищанцев. Речь градищанских хорватов, которые после Трианонского соглашения оказались в другом государстве, неизбежно будет отличаться от австрийского узуса в том числе лексически — как в силу влияния венгерского окружения, так и в результате того, что по политическим причинам общение с австрийскими градищанцами в течение достаточно длительного периода фактически было прекращено / затруднено (ср. Плотникова 2016: 114–168). В этой связи представляет интерес поиск возможных расхождений между австрийским и венгерским вариантами градищанскохорватского³ — естественно, в венгерском варианте унгаризмов неизбежно будет больше, наша задача состоит в том, чтобы выявить «поздние» унгаризмы, а также венгерские слова, которые находятся в процессе перехода в градищанскохорватский узус, и рассмотреть общие особенности их функционирования в речи.

В самом словаре Хамма лексика снабжена только грамматическим комментарием (так, у существительных в ряде случаев дается форма Р. п. ед. ч.; у глаголов после инфинитива приводятся форма настоящего времени и перфектное причастие прошедшего, а также модель предложно-падежного управления) — аналогично, только грамматический комментарий приводится в словаре Финки-Катитича, хотя здесь информация является более подробной: у существительных приводится информация о грамматическом роде, а у глаголов — о виде. Количество семантических комментирующих помет в обоих словарях сведено к минимуму. Кроме того, лексика в словарях Хамма и Финки-Катитича никак не поясняется в плане ее происхождения: собственно, это не входило в задачи составителей словаря, однако для нас существенно, что квалификация того или иного слова как унгаризма не верифицируема в рамках указанного лексикографического описания.

Тот или иной унгаризм, соответственно, может быть представлен и в словарях, и в узусе либо же отсутствовать в словарях, но быть представленным в

² Ср. об этом в (Плотникова 2016: 117).

³ Про унгаризмы у градищанских хорватов Австрии см., напр., в монографии (Плотникова 2016: 157).

узусе. Применительно к нашему материалу представляется целесообразным, наряду с унгаризмами, присутствующими / отсутствующими в словнике словаря (как полностью адаптированными, так и такими, адаптация которых прошла не до конца), рассматривать еще одну разновидность бытования венгерской лексики в градищанскохорватских нарративах: случаи «значимого отсутствия» хорватской лексики — сюда мы относим венгерские слова, хорватский эквивалент которых в обоих словарях зафиксирован, однако информант с трудом может вспомнить соответствующее слово и вынужден заменять его венгерским. Теперь остановимся на каждой из этих групп более подробно.

А) унгаризмы, представленные в словарях.

Beteg «болен, болезнь» — венг. *beteg* ‘больной’. Ср. *Lucija da je mogla beteg doprimiti* ‘Луция могла принести болезнь’. При этом из трех возможных вариантов лексемы со значением ‘болезнь’, зафиксированных в словаре Хамма: *beteg*, *bolest*, *nemoc* — в нарративах венгерских градищанцев наиболее употребительным является тот, что поддерживается контактирующим языком. Других дериватов от данного корня (ср. в словаре Хамма *obetežati* ‘заболеть’, *betežnica* ‘больница’, *betežljiv* ‘болезненный’) в записанных нарративах не представлено;

Goja «аист» — венг. *gólya* [go:ja] ‘аист’. В словарях Хамма и Финки-Катичича данная лексема представлена в варианте *gola*, в то время как в наших материалах, зафиксирован вариант, коррелирующий с литературной венгерской формой⁴. Ср. пример: *Goja doprimila dite iz limbuša* ‘аист приносил детей из чистилища’. Ср. также зафиксированный в нарративах и не отраженный в словаре суффиксальный вариант *gojica*: *Gojica doprimila dite* ‘аист принес ребенка’.

Hasnovati ‘использовать, употреблять’ — венг. *használni* ‘употреблять, использовать’. Ср., в словаре, приведенном в монографии В. Важного «Чакавское наречие в словацком Подунавье», где sporadически приводятся примеры употребления той или иной лексемы у венгерских градищанцев, отмечено его бытование в узусе обследованного нами с. Присика / Пересне (*Vážný* 1927, с. 270). Унгаризм принадлежит к «ранним» заимствованиям из венгерского — ср. *hasnuti se* ‘пользоваться’ в сербском литературном языке. Ср.: *Mi smo inkab⁵ tako hasnovali* ‘Мы это скорее так использовали’. Ср. так-

⁴ В такой же форме лексема зафиксирована в монографии Петера Хоугзагера «Кайкавский диалект сел Хидегшег и Фертехомок», описывающей узус венгерских градищанцев (Houtsagers 1999: 250).

⁵ Про «новый» унгаризм *inkab* ‘скорее’ см. ниже.

же случай метаязыкового суждения, когда речь идет именно о рефлексии над использованием слова в речи: 'Kriskingl je to nimška reč, ipak smo to *hasnovali* Kriskingl (младенец Иисус) это немецкое слово, однако мы его употребляли'. В ряде контекстов глагол употребляется в значении 'отмечать, праздновать': *Mihoja ne hasnujemo* 'День св. Михоя мы не празднуем'.

Lanac 'цепь' — венг. *lánс* 'цепь'. Унгаризм также относится к числу «ранних». Ср.: *Zimski djed na lanci* 'зимний дед на цепи' (речь идет об обычае вождения ряженных на Масленицу).

Katanstvo 'армия', *katana* 'солдат' — венг. *katona* 'солдат'. См., напр.: *Granica je bila zaperta. Katani su stali, kontrolirali nas* 'Граница была закрыта. Стояли солдаты, контролировали нас'.

Pjelda — *na pjeldu, na pjeldoku* 'например' — венг. *például* 'например'. *Na pjeldu onda je lanjka bila* 'Например, тогда была девушка' (об этом унгаризме речь пойдет ниже). Отметим, что в данном случае венгерскому наречию, образованному от существительного *pélда* 'пример' при помощи адвербиального продуктивного суффикса *-ul / -ül* (т. е. досл. 'пример-но'), соответствует в градищанскохорватском предложно-падежная конструкция.

В) унгаризмы, отсутствующие в словарях.

Lanjka — венг. *lánу, lányка* 'девушка'. *Na pjeldu onda je lanyka bila* 'Например, там была девушка'.

Vigeziti, zvigeziti — венг. *végezni* 'кончать, оканчивать'. Ср.: *Moja kćer ona je zvigezila na univerziteti u Baranji* 'Моя дочь закончила университет в Баранье', также: *Zvigezi to* 'закончи это'.

Čokor — венг. *csokor* 'букет', ср. *na veselje čokora nisam imala* 'букета на свадьбе у меня не было'.

Engedovati — от венгерского глагола *engedni* 'принимать', ср. в суждениях о календарных праздниках: *ovo nismo engedovali* 'мы такой праздник не отмечали' (досл. не принимали).

Huzuovi — от венгерского глагола *húzni* «тянуть» и соответствующего действительного причастия настоящего времени *húzó* 'тянущий' — лексема встретилась в поговорке, характеризующей жителей окрестных деревень: *Židanci su dobri žganci, prisīčani su čani, huzuovi cigani*. Ср. также *huzuovi su prisīčani*. Сами информанты объясняли, что словом *huzovi* назывались отвороты длинных сапог, которые надевали на праздничные мероприятия;

Kesovati, keseni — от венг. *készülni* 'готовиться', *kész* 'готов' *Na veselje su keseni* 'К свадьбе они готовы'; *ti kesuješ* 'ты готовишься'.

С) венгерские вкрапления в хорватской речи. В словарях Хамма и Финки-Катичича они также отсутствуют, однако в речи жителей эти слова фонети-

чески и морфологически не адаптированы к нормам градищанскохорватского. Вместе с тем систематическое появление в речи информантов позволяет рассматривать их здесь. Сюда относятся главным образом дискурсивные слова (наречия, союзы, частицы, модальные слова).

Так, частотным является использование венгерского наречия *inkább* 'скорее, точнее', в случае, если информант не уверен в сообщаемом и стремится найти более адекватную, точную формулировку, либо если речь идет о сравнительной частотности описываемого явления. Ср. *Veselje inkab vo fašinjku bili* 'Свадьба была скорее на масленицу' — информант утверждает, что на Масленицу свадьбы проводились чаще, чем в другие периоды. В следующем примере: *o to je inkab na Masicu* 'это скорее в Вербное воскресенье' — речь также о частотности явления. В следующих примерах наречие выступает в качестве маркера неуверенности в сообщаемом: *falešni fašinjki su inkab od ugerska* 'ложная масленица — это скорее от венгров' — речь идет о происхождении конкретного обычая, информант не берется однозначно квалифицировать его как свой. Ср. также *mi smo inkab tako hasnovali* 'мы скорее так использовали' — в данном случае, как и в предыдущих, говорящий не до конца уверен в своем утверждении.

Далее, в нарративах регулярно появляется венгерский противительный союз *pedig* 'но'. Ср. *pedig na interneti...* 'но (хотя, зато) в интернете...'; *pedig je v albumi* 'но это находится в альбоме'. Ср. также: *To po ugersku znam, to je szivarvany. Po-hervatsku neznam. Pedig moj materni jezik je hervat* 'По-венгерски я знаю, szivarvany (радуга). По-хорватски не знаю. Хотя мой родной язык хорватский'; *Ne, neznam, moj materni jezik pedig je hrvatski* 'Нет, не знаю, хотя мой родной язык — хорватский'. Отметим, что в обоих случаях информант называет своим родным языком хорватский, однако в первом он (реплики принадлежат одному и тому же информанту) употребляет в предикативной позиции форму без суффикса и без флексии, которая явно соотносится с венгерским *horvát*.

Не менее частотной является венгерская частица *hát* 'ну', которая употребляется, когда информант старается вспомнить некоторую реалию из прошлого либо если сообщаемое представляется ему естественным и очевидным. Ср.: *hat smo imali* 'ну так у нас было', *hat toliko koliko vi znate ja ne znam* 'ну столько, сколько вы знаете, я не знаю'.

Кроме того, в узусе венгерских градищанцев широко распространены венгерские дискурсивные слова, которые употребляются для выражения согласия / несогласия либо для усиления экспрессивности сообщения. Так, для выражения согласия в нарративах, наряду с общехорватским *da*, широко

употребляется венгерская частица *de*. Ср.⁶: С: *Postoji kod vas viška u Zidanu?* И: *De! Viška, to znam. Bosorka, to je viška.* С: ‘У вас в Жидане говорят “ведьма”? И: Конечно! Я знаю, что такое “ведьма”. “Ведьма” — это “колдунья”’. Ср. также: *Plajgor ima načelnika, dehogu ne* ‘В Плайгоре есть староста, как же нет’. Ср. выражение одобрения при помощи интернационализма с венгерским аффиктивным суффиксом *-us*: *Taj fašinjak se začne na tri kraljevi. Takove maškare su. No fantasztikus, da* ‘Масленица начинается в день “Трех королей”. Еще ходят ряженые. Фантастика, да’. Ср. также употребление венгерского слова *bocsánat* ‘извините’ при отрицательном ответе на вопрос: *Bocsánat, nismo* ‘Простите, нет’.

Д) венгерские слова, которые употребляются в случае, если хорватский эквивалент не входит в лексический фонд информантов. От предыдущей группы лексем они отличаются стратегией введения в нарративы — рассмотренные выше венгерские вкрапления появляются автоматически, в данном случае, напротив, информант пытается вспомнить то или иное хорватское слово, не может этого сделать, после чего переходит на венгерский язык.

Alárc ‘маска’: *A ja kad sam bila Krampus imala sam na licu — čo je to alárc — maska* ‘И я, когда была Крампусом, имела на лице — как же сказать alárc — маска’; здесь имеет место ситуация припоминания, когда информант затрудняется с хорватской номинацией и сначала вспоминает венгерское слово, а уже затем его градищанский эквивалент.

Bükk ‘бук’. Ср.: *Ovo je bükk... buk.* ‘Это bükk... бук’. Венгерское слово, которое является славянским заимствованием, не входит в активный словарный запас информанта.

Forgószél ‘вихрь’. Ср.: *forgoszel u nas su rekli viška* ‘Вихрь у нас называли ведьмой’; *Vjetar ide to je viska, to je po ugersku forgoszel* ‘Когда налетает ветер, это ведьма, по-венгерски *forgoszel*’.

Fűzfa ‘верба’. Это еще один фитоним, который вызывает трудности у венгерских градищанцев, ср.: *Korbač je spleteni od magyarul fűzfa — od verbe* ‘Этот хлыст сплетен от — по-венгерски *fűzfa* — из вербы’.

Néprajz, néprajzgyűjtő ‘этнография, фольклор’, ‘этнограф’ (досл. ‘тот, кто собирает фольклор’): *Moj brat je bil néprajzgyűjtő* ‘Мой брат был этнографом’. Употребление венгерского слова здесь явным образом связано с тем, что информант не владеет градищанскохорватской терминологией.

Szívárvány ‘радуга’, ср.: *Szívárvány po-ugerski — ne znam kako je to po-hervatski.* ‘*Szívárvány* по-венгерски — я не знаю, как это будет по-хорватски’;

⁶ В нижеследующем примере С. — речь собирателя, а И. — речь информанта.

To po ugersku znam, to je szivarvany. Po-hervatsku neznam ‘По-венгерски я знаю, это *szivarvany*. По-хорватски я не знаю’. Ср. в словаре Хамма: *pasac, -sca, kanica, duga*. Говорящий в данном случае констатирует свое незнание термина на градищанскохорватском и на венгерский не переходит.

Tanu ‘свидетель’. Ср. при описании свадебной обрядности градищанцев: *Tanu — mi az?* ‘*Tanu* — что это такое (по-градищанскохорватски)?’ В словаре Хамма соответствующее значение выражает хорватская лексема *svidok*, однако говорящий не может ее вспомнить и сразу переходит на венгерский язык («что это?»).

Tölgy ‘дуб’. Ср.: kakva je to tölgy? ‘что такое *tölgy*?’ — см. хорватскую лексему *dub* в словарях Хамма и Финки-Катичича. В дальнейшем изложении тот же самый информант вновь забывает хорватское наименование, констатирует факт незнания, затем переходит на венгерский, дублирует эту же фразу, после чего вновь переходит на хорватский и старается вспомнить соответствующую номинацию путем приведения наводящих дефиниций, ср.: A lišće kako je to de az milyen az tölgy — na svinje je to dub dub je to ‘А листья там... да как же сказать (по-хорватски) *tölgy* — им еще свиней кормят... дуб, дуб это’.

Tűzhely ‘очаг’. Ср.: Kako govorimo tűzhely? ‘Как мы (по-градищанскохорватски) говорим *tűzhely*?’ В словарях мы находим хорватские соответствия *ognjišće, šporet, štednjak*, которые не входят в активный словарный запас информанта.

Vőfény ‘дружка’. Ср.: Pervi je bil vőfény ‘первым шел дружка’. Отметим, что хорватский эквивалент *statilo (staćilo)* ‘дружка на свадьбе’, как правило, все-таки входит в активный словарный запас опрошенных венгерских градищанцев, однако в ряде случаев происходит замена хорватской лексемы ее венгерским эквивалентом. Ср. также дублирование номинации, в целом характерное для речи билингов (об этом явлении см., напр.: Некрасова 2013; Плотникова 2016: 97): Vertanj je nosil statilo vőfény ‘Вертань (обрядовый хлеб) носил дружка *vőfény*’.

Сопоставление метафольклорных нарративов с лексикографическими описаниями градищанскохорватского языка позволяет сделать следующие выводы. Функционирование унгаризмов в узусе венгерских градищанцев обнаруживает расширенное, по сравнению со словарными описаниями, использование заимствований из венгерского. Вместе с тем в ходе бесед было зафиксировано широкое употребление неадаптированной венгерской наречной лексики, союзов и дискурсивных слов. Кроме того, в речи информантов наблюдаются затруднения с номинацией некоторых обрядовых реалий, а также

с фитонимами, когда говорящий вынужден прибегать к венгерскому наименованию. Приведенный здесь корпус унгаризмов далеко не является полным, поскольку тематика бесед является достаточно специфичной. Вместе с тем выявленная лексика, с одной стороны, демонстрирует ассимилятивные тенденции в речи информантов, с другой стороны, она позволяет скорректировать словарные данные с учетом языкового узуса градищанцев, проживающих на венгерской территории.

Литература

- Некрасова 2013 — Некрасова Г. А. Дублирования в телевизионной речи коми билингва // Язык и культура. Томск, 2013. № 3 (23). С. 73–81.
- Плотникова 2016 — Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Finka 1991 — Gradišćanskohrvatsko-nimški rečnik / gl. ured. Božidar Finka i Radoslav Katičić. Zagreb; Eisenstadt, 1991.
- Hamm 1982 — Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rečnik / gl. ured. Josip Hamm. Eisenstadt; Zagreb. 1982.
- Houtsagers 1999 — Houtsagers P. The Kajkavian Dialect of Hidegség és Fertőhomok // Studies in Slavic and General Linguistics. 1999. Vol. 27. P. 3, 5, 7–343.
- Vážný 1927 — Vážný V. Čakavské nářečí v Slovenském Podunají. Bratislava, 1927.

Summary

Darya Vashchenko

Ungarisms in metafolklore narratives of Hungarian Burgenland Croats and Burgenland-Croatian bilingual lexicography

The article presents a functional stratification of ungarisms functioning in the speech of Burgenland Croats living in an enclave on the territory of Hungary. The comparison of the revealed ungarisms with the data presented in the dictionaries that describe the language of Austrian Croats, has enabled us to discover later ungarisms, as well as cases where Burgenland Croats demonstrate significant ignorance of Croatian lexemes.